

Встреча после войны: Николай (Евгений Пронин) и Андрей (Данила Козловский)

УСПЕХ

Марина ТОКАРЕВА

Страсть В эпоху катастроф

КАРИНА АЛЕКСЕЯ ГЕРМАНА-МЛАДШЕГО
«ГАРПАСТУМ» (ПРОДЮСЕР АЛЕКСАНДР
ВАЙНШТЕЙН) ОТОБРАНА В ОСНОВНОЙ
КОНКУРС ВЕНЕЦИАНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

Гарпастум» — в античности так назывался футбол. Великая игра, возникшая в колыбели и уцелевшая на обломках цивилизации, пришла в Россию в начале прошлого века. За сюжетом — легкая зыбь истории братьев Старостиных, не претендующая, впрочем, быть узнаваемой. Действие фильма происходит в канун Первой мировой. 1914-й, полагают авторы (сценаристы Олег Антонов и Александр Вайнштейн, он же продюсер картины), — последний год, когда мир жил нормальной жизнью.

Когда речь идет о Германе-младшем, реакция до банально предсказуема: похоже или нет? Маркировано тенью отца или может считаться самостоятельным? Будем честны: вопрос остается актуальным. Перед нами попытка пленочной музыки, разыгрываемой по партитуре, ноты которой узнаваемы. Но вот общая мелодия, пожалуй, нет.

К тому же в нарушение семейных традиций картина (производство «VK-компании») снята за

— С каждым днем во мне крепла решимость довести фильм до конца! — делится Вайнштейн.

«Гарпастум» делали два человека, один из которых про футбол понимал все, другой — ничего. Но режиссер снимал свой второй в жизни полный метр; сценарист продюсировал свой первый фильм — победил азарт работы. Были найдены актеры со спортивной подготовкой, актрисы, похожие на женщин начала века, странная — словно вне времени и пространства — натура в Петер-

первую очередь про счастье молодости, про страсть, про безумное желание играть в футбол. Все это заложено в сценарии. И еще это кино о трагедии поэтов, чья эпоха кончилась.

— Сюжета как будто и нет?

— Сюжет предельно жесткий. Все начинается с убийства Франца Фердинанда. И сразу становится ясно: история пошла так, а не иначе просто потому, что Гаврилу Отрока не успела догнать его женщина...

— С родителями советовались?

— Нет. Я оградил себя от того, что они могут быть правы, и тогда это будет совсем другое кино.

— Есть у вас надежда, что вы сможете снять кино, которое еще никто не снимал?

— Наверное. Но...

— Давайте тут поставим точку?..

Одно из гениальных умений Германа-старшего (его «вклад в мировой кинематограф») — заставить камеру смотреть взглядом Бога. В едином моменте соединять знание о том, что было и что будет. В обыденности различать черты притчи. Это учится делать и сын. Кажется, что добытое отцом в муках, он усвоил легко, как воздух. Формула, по которой снята картина, странным образом укладывается в строку Блока: «Радость, страданье — одно». Ее образы, паузы, атмосфера, неяркие цитаты — все продиктовано слиянием противоположного.

— Мы все переживем, уже пережили! — говорит один из героев в финале. На голой земле, в шинелях и сапогах на фоне полуразвалившегося сарая герои начинают играть в мяч.

Мир рушится, футбол остается. ■

Формула, по которой снята картина, укладывается в строку Александра Блока «Радость, страданье — одно»

пять месяцев, смонтирована за два, весь съемочный период занял год. За кадром остались дикие споры двадцативосьмилетнего режиссера и пятидесятилетнего продюсера обо всем, что в кадре, — стилистике, задачах, антураже, актерах. А главное, способе снимать футбол.

Бывший форвард, бывший спортивный обозреватель, владелец еженедельника «Футбол» Вайнштейн написал историю беззаботной страсти к игре на пороге эпохи катастроф. И хотя в нынешней жизни его занимают по большей части иные ристалища, одну из важнейших целей картины он видел в недилетантском, на стыке с документальным изображением игры.

— Каждые два дня я хотел валить с картины! — признается сегодня Герман.

бурге. Футбол в «Гарпастуме» — философия жизни, ее соль и красота. Мера вещей и спасение.

Сняв картину, Герман женился и улетел в свадебное путешествие на Канары. Вернувшись, пришел в редакцию.

— Про что вы снимали?

— Про свое поколение, про себя в двадцать лет. Помню, как мои родители и друзья родителей в начале 90-х без конца говорили о том, что сейчас все кончится и придут фашисты. У них было ощущение, что все направляется в какую-то страшную пропасть. И это было абсолютно непонятно и неинтересно нам, которым было тогда по восемнадцать — двадцать... Хотя у нас тоже был слом эпох, пусть более мягкий, без войны, без колоссального числа жертв... Так что это кино в